

лы — проф. Радклиф Брауна, чье влияние на большинство современных английских этнографов не вызывает сомнений.

Нуэры насчитывают сейчас 250—300 тыс. человек. Они заселяют берега Нила южнее впадения в него р. Собат, занимаются мотыжным земледелием, отгонным скотоводством, в меньшей степени охотой. Нуэры все еще сохраняют многое от первобытно-общинных отношений. Еще можно проследить границы между территориями отдельных племен и их подразделений. В стертом виде сохранился и род, объединяющий некоторое число родственных семейных групп, распадающихся на патриархальные семьи. Связь между отдельными племенами прослеживается слабо.

Отдельные племена все же сохраняют свои названия, организацию возрастных классов, диалектологические различия. Большие племена, насчитывающие до 40—50 тыс. человек, делятся на более мелкие подразделения, которые в свою очередь распадаются на отдельные, еще более мелкие группы. Род давно уже утратил свое значение, и не род, а именно отдельные группы патриархальных семей составляют хозяйственное целое. Так, деревни состоят из семейных групп, часто принадлежащих к различным родам, а все богатство нуэров — скот и пашни — находится в распоряжении этих семейных групп. Свое место в обществе нуэр определяет теперь прежде всего ссылкой на территорию, указывая название деревни, и только в результате длительных расспросов можно установить его родовую принадлежность. Территориальные связи стали сильнее родовых, а деревня является основой этих территориальных связей. Вот главный вывод Притчарда.

Притчард не мог не увидеть картины быстрого разложения остатков первобытно-общинных отношений среди нуэров, отмирания ряда институтов, свойственных первобытному обществу. В своих работах, антиисторических по существу, Притчард не желает замечать ростков нового. Тщательный анализ отживающих институтов продиктован желанием автора лишь подсказать английским властям возможности использования этих институтов для нужд колониального администрирования.

Для историков первобытного общества работы Притчарда, содержащие богатый фактический материал, представляют безусловный интерес. Однако его порочные концепции заслуживают серьезного критического анализа в специальном обзоре. Нас же интересовала практическая направленность его исследований, подготавливающая новые административные мероприятия англичан.

В нашем обзоре мы рассмотрели лишь некоторые посвященные Судану работы, вышедшие из печати за последние годы. Мы выбрали наиболее характерные из них, но и этого достаточно, чтобы составить представление об английском империалистическом разбое, о безуспешных попытках английского империализма укрепить свое господство в колониях и о той неблагоприятной роли помощника колониальных властей, которую играет буржуазная этнография.

С. Р. Смирнов

О ПОЛИТИКЕ РЕЗЕРВАЦИИ

A. G. Price. *White settlers and native peoples*, Melbourne, 1949

Книга Прайса состоит из небольшого введения и девяти глав: «Колонизация Соединенных Штатов», «Администрация Соединенных Штатов», «Новый курс для индейцев», «Колонизация Канады», «Администрация доминиона», «Колонизация Австралии», «Резервации, миссии, администрация штатов и федеральная администрация», «Деградация маори», «Возрождение маори». В обширном заключении автор подводит итоги исследования, в приложении приводит заметки австралийских этнографов Р. и К. Берндт об австралийской «туземной политике». Книга снабжена картами распределения коренного населения по данным 1938 г. (США, Канада), 1927 г. (Австралия) и 1936 г. (Новая Зеландия).

Автор поставил перед собой задачу изучить «туземную политику» англо-американских империалистов по отношению к коренному населению США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Коренное население этих стран, как известно, в основном истреблено, оставшаяся незначительная часть отселена в неплодородные районы. Эти районы, пишет автор, являются в море европейского населения «островами болезней, недоедания» (стр. 202), высокой смертности, почти полной неграмотности. Коренные жители лишены элементарных человеческих прав, превращены в пасынков на своей родине. Достаточно сказать, что в Австралии, на основании ст. 127 конституции Австралийского Союза, они не учитываются при подсчете численности населения. Примерно в таких же условиях находятся индейцы США и Канады, маори Новой Зеландии. Автор взял только четыре страны, в которых «англоязычное», как он пишет, население беспощадно угнетает коренных жителей. Но он мог бы добавить сюда, например, Южно-Африканский Союз, Гавайские острова, где «англоязычное» население также проводит по отношению к коренным жителям и иммигрантам из стран Востока политику «расового барьера».

Министр внутренних дел США (1939) Гарольд Икес и «комиссионер индейских дел» Кольер обеспечили автору финансовую сторону дела и открыли перед ним двери резерваций индейцев пайюте, хопи, навахо, пуэбло, апачей. С их же помощью

он побывал в резервациях индейцев Канады (Лоретте, Каутнавага, Брентфорд, Скамиш и др.). Даже резервации Австралии Прайс посетил не как австралийский ученый (он читает лекции по географии в Аделаидском университете), а как «travelling fellow of the Rockefeller foundation», т. е. подданный американского финансового капитала.

Прайс — старый и опытный апологет империализма. Вот некоторые из его работ: «Основание Южной Австралии»; «Основатели и пионеры Южной Австралии»; «История и проблемы Северной Территории», «Белые поселенцы в тропиках», «Австралия мужает»¹. В этих «трудах» Прайс восхваляет политику колонизаторов в Австралии.

Поездка Прайса в США и Канаду состоялась в 1939 г., когда в США проводился так называемый «новый курс» в «индейской политике». Задача, поставленная перед Прайсом, состояла в восхвалении этого «нового курса». И хотя выход книги в свет значительно задержался в связи со второй мировой войной и за это время даже в американской литературе появились критические высказывания по адресу «нового курса» в «индейской политике»², тем не менее и даже, пожалуй, тем более старается Прайс выслужиться перед своими американскими хозяевами. Его цель доказать, что «новый курс» в «туземной политике» характерен не только для США, но и для Канады, Австралии и Новой Зеландии. Эта параллель, заявляет он, «одна из самых интересных» (стр. 188). В этом он прав, но эта параллель, вопреки стараниям Прайса, служит не восхвалению «нового курса», а как раз, наоборот, — его разоблачению. «Ведущие антропологи разных стран», — пишет Прайс, указывали ему на «опасность сравнений». Но он провел эти сравнения, установил сходства, и в этом основная ценность его книги. Прайс показал, что «индейская политика» США ничем по существу не отличается от «индейской политики» Канады, «туземной политики» Новой Зеландии и «некоторых» (надо было сказать, всех) штатов Австралии.

Прайс закоренелый расист. Выясняя причины отсталости индейцев от европейцев, он на первом месте ставит то, что будто бы «индейский мозг в среднем, возможно (!), немного (!) меньше, чем мозг европейца» (стр. 7). Такова тактика современного биорасиста. Он сам тут же вынужден признать, что все факты противоречат этому выводу, но не может удержаться, чтобы не сказать: «возможно», «немного» меньше. Выясняя причины культурных различий между разными группами индейцев, он вновь ставит на первое место «расу» (стр. 9). «Забываясь» о будущем индейцев, австралийцев и маори, он считает «в высшей степени важным» изучение «метисов различных степеней и возможностей их к аккультурации» (стр. 200). Как будто судьба угнетенных людей определяется процентом европейской крови, текущей в их жилах! Поистине, если есть в расистах что-либо врожденное, неискоренимое и, «возможно», связанное с недостаточной величиной их мозга, так это расизм.

Мы познакомились с таким образом, с задачей, которая была поставлена перед автором, и с самим автором. Познакомимся теперь с его книгой, с существом затронутых в ней вопросов. Это тем более интересно, что автор выдает англо-американских империалистов за людей, которые будто бы «руководят человечеством, поощряя демократическую свободу и научный прогресс». Его слова, разумеется, не нужно принимать всерьез. Половина человечества, как известно, обходится без «помощи» англо-американских империалистов, а другая половина жаждет избавиться от их «руководства». Но в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии они действительно пока еще руководят. Посмотрим, хотя бы по книге Прайса, как они «поощряют» демократическую свободу и научный прогресс в этих странах. Кроме того, англо-американские империалисты действительно мечтают о мировом господстве. Посмотрим на примере индейцев австралийцев и маори, в какое положение хотят поставить они все народы мира.

В истории отношений между «англоязычными» колонизаторами и коренным населением всех четырех стран Прайс устанавливает три периода: 1) период колонизации, истребления коренных жителей, что «поставило несчастные народы, — пишет Прайс, — в состояние зависимости, в котором они не хотели жить и даже иметь детей, которые жили бы в таких условиях»; 2) период создания резерваций, христианизации, детрибализации коренных жителей с целью дальнейшего грабежа их земель и эффективного использования их самих в качестве дешевой рабочей силы. Оба эти периода выявляются совершенно отчетливо. «Блага» европейской культуры, говорил недавно умерший министр туземных дел Новой Зеландии маори Апирана Турупа Нгата, пришли к нам в следующем порядке: сначала — ружье, потом — библия, потом — договор в Вайтанги, по которому маорийские земли стали собственностью английской короны.

Прайс, конечно, всячески защищает колонизаторов. Во второй период, пишет он, колонизаторы будто бы «пытались исправить свои ошибки», допущенные в первый

¹ A. G. Price, *Foundation and settlement of South Australia*, Adelaide, 1924; *Founders and pioneers of South Australia*, Adelaide, 1929; *History and problems of the Northern Territory*, Adelaide, 1930; *White settlers in the tropics*, New York, 1939; *Australia comes of age*, Melbourne, 1945.

² См., например, S. Mekeel, *An appraisal of the Indian Reorganization Act, «American anthropologist»*, 1944, No. 2.

период, но не сумели (бедные!) справиться с этой задачей и надедали еще больше «минибок». Численность коренного населения продолжала катастрофически уменьшаться. Колонизаторы надеялись, что оно скоро вымрет. Но получилось иначе. Влившись в рабочий класс, в среду «белых бедняков», индейцы, австралийцы и маори впервые очутились в таком мире, где люди с разным цветом кожи имеют одинаковые права, вернее, одинаково не имеют многих прав. И они связали свою борьбу за решение национального вопроса с общей борьбой рабочего класса против эксплуататоров. Это влило в них уверенность в лучшем будущем, повело к росту национального самосознания. С этого времени численность коренного населения, несмотря на дальнейшее ухудшение условий жизни, рост смертности, заболеваний и т. п., начинает увеличиваться. В США в 1880 г. было 244 тыс. индейцев, в 1900 г. — 270 тыс. и в 1938—351 тыс. В Канаде в 1901 г. было 93 тыс. индейцев, в 1939 г. — 115 тыс. В Новой Зеландии в 1871 г. было 37 тыс. маори, в 1918 г. — 50 тыс., в 1939—97 тыс. и в 1947—106 тыс. Только в Австралии численность коренного населения продолжала и продолжает падать.

Важно отметить, что особенно сильно возрастает численность метисов. В США с 1930 по 1937 г. она возросла на 22,5%, тогда как численность полнокровных — только на 3,5%. В Канаде численность метисов не учитывается, но уже в 1915 г. их было, вероятно, около 50 тыс. На Новой Зеландии численность метисов растет быстрее, чем полнокровных. В Австралии численность метисов растет, а полнокровных уменьшается: в 1921 г. было 17 тыс. метисов и 60 тыс. полнокровных, в 1939 г. соответственно 26 тыс. и 51 тыс.

Это как раз и есть третий период, который отмечает автор. Но он явно извращает при этом факты. Во-первых, он относит начало этого периода на 1930-е годы, хотя в действительности увеличение численности коренного населения началось гораздо раньше. Во-вторых, он связывает это увеличение численности коренного населения с «новым курсом» в «туземной политике» (для этого ему и нужно собственно отнестись начало периода на 1930-е годы), хотя в действительности «новый курс» не причина, а следствие увеличения численности коренного населения и особенно оживления его социальной активности.

Рассмотрим по порядку все три периода в истории отношений между «англоязычными» колонизаторами и коренным населением США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, отмеченные Прайсом. При этом, в отличие от автора, рассматривающего каждую страну отдельно, мы будем излагать его материалы сразу по всем четырем странам. Собственно мы проделаем ту работу, которую автор должен был бы проделать сам. Если уж он пошел на «опасные сравнения», то надо было довести их до конца, а не останавливаться на поддороге.

Первый период — это период колонизации, период истребления коренных жителей. Трупным смрадом, запахом жженого человеческого мяса несет от страниц, посвященных этому периоду. «Даже пуритане, — восклицает автор, — поработали индейских женщин, воровали индейских детей, и сжигали, и убивали» (стр. 12). Французы, англичане, американцы, вторгшиеся в Канаду, «пустились до уровня примитивных дикарей» (стр. 79). Автор отбрасывает в сторону как сказку для дураков версию о колонизаторах как «носителях культуры». «Нужно помнить, — пишет он, — что это был такой век, когда не только на туземную, но даже и на белую культуру обращали мало внимания» (стр. 70). В Австралии «туземцев убивали как диких животных» (стр. 107), «как ворон» (стр. 114). Тасманийцы, заключенные в тюрьму на острове Флиндерс, каждое утро с восходом солнца группами взбирались на холм, с которого можно было через пролив видеть горы Тасмании, поднимали вверх руки и со слезами, струившимися по щекам, кричали: «Моя страна! Моя страна!» (стр. 117). Последняя тасманийка, Лалла Рук, или Труганини, умершая в 1876 г., перед смертью «просила белых похоронить ее за горами и не вскрывать ее тело. Несмотря на ее просьбу, ее скелет выставлен в музее в г. Хобарт» (стр. 124).

Колонизаторы действительно превратились в дикарей. В Австралии они коллекционировали уши убитых аборигенов. В Новой Зеландии занимались добычей и продажей татуированных голов маори. В США и Канаде выплачивали премии за скальпы индейцев, а некий генерал Брэддок — за скальпы миссионеров-иезуитов. И всюду они сотнями и тысячами убивали людей. Некий Кингсли в Калифорнии писал (не говорил, а именно писал) в 1871 г., что, когда он убивает туземных детей, то предпочитает револьвер 38-го калибра карабину 56-го (стр. 17). Когда колонизаторы в начале XIX в. гнали 12 тыс. индейцев чероки с их родины, то около 4 тысяч индейских трупов устлали путь на запад. Один из солдат, участник «похода», заметил, что «это была самая грубая работа, которую он когда-либо видел» (стр. 16).

Автор, конечно, приводит далеко не все факты. Но здесь достаточно привести его цифровые данные, чтобы отчетливо представить себе результаты вторжения колонизаторов, этой «англоязычной» белой чумы. В США коренное население с 845 тыс. упало к 1880 г. до 244 тыс., в Канаде — с 220 тыс. до 93 тыс. (к 1931 г.), в Новой Зеландии — с 200 тыс. до 37 тыс. (к 1871 г.).

Автор пытается снять ответственность с капиталистических правительств, осуществлявших колонизацию, и свалить всю вину на «расовые трудности» (стр. 115), на отдельных колонистов и т. п. Жалкая попытка! Дело не в отдельных зверствовавших колонистах — они были лишь слепыми орудиями захватнической политики. Дело

именно в капиталистических правительствах, проводивших и сейчас проводящих политику захвата чужих территорий.

Подложные «договоры» с индейцами о покупке земель, утверждавшиеся конгрессом США, договор в Вайтанги, официальное объявление Австралии «незаселенной» страной (стр. 112) и собственностью английской короны — вот те преступные правительственные акты, которые тысячами сгоняли коренных жителей с их земель.

Маорийские земли, не перешедшие по договору в Вайтанги в собственность английской короны, оказались фактически вне защиты закона. Если кто-либо из «англоязычных» силой отбирал землю, маори не мог жаловаться — корона его землю не охраняла. Чтобы получить законное право на землю, он сначала должен был продать ее короне, а потом, заплатив в десять раз больше, выкупить ее обратно (стр. 139). В колониальные суды больше всего жалоб поступало не на отдельных колонистов, а именно на корону. Колониальные суды, конечно, не имели полномочий разбирать эти жалобы. Корона была неподсудна. Судья Кондлифф, обзоревав «итоги» своей 70-летней деятельности, заявил, что суд делал только одно: «отделял маори от их земель» (стр. 165).

Автор пытается изобразить период колонизации как дело далекого прошлого. Но весь мир знает, что то же самое происходит и сейчас в Корее, в Малайе. «Англоязычные» колонизаторы беспощадно истребляют население этих стран, устраивают «охоту» на людей, посылают в Малайю даяков с о. Борнео для «охоты за головами» и т. п. Нет, это не прошлое! Колонизаторы, особенно «англоязычные», остались прежними и по своим разбойничьим целям и по своим людоедским «методам» достижения этих целей. А вот народов, не умеющих с оружием в руках постоять за свою свободу, теперь на земном шаре нет. Это действительно дело прошлое. Всем известно, что американские войска в Корее, английские в Малайе, французские во Вьетнаме рассчитывали на легкую прогулку по трупам корейских, малайских и вьетнамских патриотов. Действительность жестоко опровергла эти расчеты.

Автор знает, конечно, что в СССР все народы пользуются одинаковыми правами, что в СССР происходит бурный расцвет хозяйства и культуры всех народов. Он даже не пытается извратить этот очевидный факт, справедливо полагая, что читатели ему не поверят. Но он не может, повидимому, обойтись без клеветы на русский народ. Он в самом извращенном свете рисует отношение Русско-Американской компании к коренному населению Аляски. И делает это он для того, чтобы «объяснить», будто бы, уменьшение численности коренного населения в штате Британская Колумбия (Канада). Он аргументирует, с позволения сказать, таким образом: русские «имели мало прямого влияния на индейцев южнее Аляски, хотя их вторжение в этот район могло иметь не прямые эффекты» (стр. 73). Это уже просто наглая ложь.

Известно, что деятели Русско-Американской компании весьма гуманно и доброжелательно относились к коренным жителям Аляски. Сам же автор на следующей странице вынужден признать, что русские «пытались сохранить от истребления пушных зверей (*fur resources*), а в период эпидемии оспы в 1862 г. спасли многих туземцев, находившихся под их контролем, путем прививки оспы» (стр. 74). К этому нужно добавить, что оспа, по признанию автора, была занесена не русскими, а французами и англичанами. К этому, наконец, нужно добавить, что численность коренного населения Британской Колумбии, по признанию автора, начала уменьшаться лишь тогда, когда там водворились американцы. У американских горнопромышленников, пишет Прайс, был «глупый» обычай: «стрелять в индейца как в собаку» (стр. 75). А у американских спекулянтов был другой «обычай». После того, как треть одной из групп племен Британской Колумбии умерла от эпидемии оспы, американцы стащили одеяла с индейских трупов и продали оставшимся в живых. «Этот зверский поступок, — признает автор, — повел ко второй вспышке (оспы), которая убила другую треть индейцев» (стр. 78). С этого автор и должен был начинать объяснение того, почему численность индейцев уменьшалась. Он мог смело утверждать, что если бы в этих районах были русские, уменьшение численности индейцев не достигло бы тех «трагических пропорций», о которых он пишет.

После того как самые плодородные и благоприятные для жизни районы были захвачены «англоязычными» пришельцами, выяснились два обстоятельства: 1) потребность в туземном труде оказалась весьма настоятельной; 2) коренных жителей необходимо было обучить непривычным для них формам и методам хозяйства. Начался «второй период» — решено было загнать оставшихся в живых коренных жителей в незанятые районы, «резервации», послать туда миссионеров с целью обучения земледелию, скотоводству, а заодно библии и покорности колонизаторам, и брать оттуда дешевую, а иногда и просто даровую рабочую силу для пастьбы стад, работ на плантациях и т. п.

Правящие круги США, Канады, Австралии устами автора лицемерно утверждают, что, создавая резервации, они заботятся якобы о коренном населении. Это, конечно, ложь. Существование резерваций выгодно только для скотоводческих и прочих компаний, которых и обслуживают правящие круги этих стран. Во-первых, потребности живущих в резервации гораздо ниже, чем в городе, поэтому и заработная плата туземных рабочих может быть понижена. Во-вторых, семья рабочего живет на резервационной земле, на правительственном «пайке», следовательно, прокормление семьи рабочего можно вычесть из его заработной платы. В результате к

туземным рабочим в еще большей мере, чем к мелким крестьянам, приложимы слова В. И. Ленина о том, что они «понижают свои потребности ниже уровня потребностей наемных рабочих и надрываются над работой несравненно сильнее, чем эти последние»³.

Существование резерваций экономически выгодно для капиталистических компаний еще и тем, что позволяет им снижать заработную плату рабочих европейского происхождения. Низкий уровень жизни коренных жителей неизбежно означает понижение жизненного уровня европейских рабочих. Здесь особенно ярко подтверждается истинность марксистского положения о том, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Наконец, существование резерваций и политически выгодно для капиталистов и капиталистических правительств. Политика резерваций и вообще вся политика «расового барьера» имеет целью притупить классовое сознание рабочих, разбить рабочий класс на национальные группы и натравить их друг на друга.

Апологеты политики резерваций в Австралии, делая вид, что они «заботятся» о коренном населении, иногда говорят, и находят людей, которые им верят, что коренное население лишь в том случае будто бы перестанет вымирать, если оно будет полностью изолировано от европейского. Разумеется, ни о какой полной изоляции, если говорить серьезно, не может быть и речи.

Капиталисты не могут существовать, не имея наемных рабочих. А так как труд аборигенов, живущих в резервациях, стоит во много раз дешевле, чем труд европейских рабочих, то капиталисты никогда не откажутся, сколько бы им ни толковали о гуманности, от эксплуатации труда аборигенов. С капиталистом-скотоводом Австралии, например, столь же бесполезно говорить о гуманности, как и с его скотом.

На плантациях, рыбных промыслах, горных разработках, на фабриках и заводах коренные жители усваивают английский язык, осознают свое угнетенное положение, проходят первую школу классовой борьбы. Сознание их с помощью «белых бедняков» постепенно догоняет их изменившееся бытие, и они начинают борьбу за свои права совместно с рабочим классом господствующей нации. Разумеется, их классовое сознание еще недостаточно высоко, зачастую они не могут противостоять националистическим лозунгам «своей», национальной, буржуазии. Но во всяком случае они встают на борьбу за свои права.

История «второго периода» — это история постепенного роста национального и классового сознания коренного населения. Невозможно, конечно, ожидать от автора, чтобы он изложил эту историю в правильном свете. Действительно, описание «второго периода» — это самая неудовлетворительная часть рецензируемой книги. Автор не выходит за пределы резерваций, он не пишет о том, что происходило вне их. В США индейцам дали мало земли и потом путем заключения жульнических договоров, неизменно ратифицируемых конгрессом и не выполнявшихся «англоязычной» стороной, это количество земли свели почти на-нет. Даже американские писатели признают, что правительство США постоянно не выполняло договоров, заключенных с индейцами. XIX век они называют «бесчестным веком», «периодом нарушения договоров» (стр. 34, 38). В настоящее время в американском конгрессе готовится ряд законопроектов, имеющих целью дальнейшее отторжение индейских земель. Возникает вопрос: где и как живут индейцы, согнанные с земель? На этот вопрос в книге нет ответа. Автор говорит о восстаниях коренных жителей, часто принимавших религиозную окраску. Но он ничего не говорит о причинах восстаний и даже старается скрыть эти причины. Так, например, упомянув о восстании метисов в Канаде в 1885 г., он заверяет читателей, что «к этому было мало причин» (стр. 82), а затем рассыпается в комплиментах по адресу канадской полиции, подавившей восстание (стр. 83). Столь откровенно колонизаторский подход к событиям полностью исключает правильное их понимание.

Между тем без правильного понимания этих событий нельзя понять появление «нового курса» в «туземной политике». Автор должен был выйти за рамки резерваций, изучить условия, в которых коренные жители работают на плантациях, горных разработках и т. д., изучить, как разрушается там «расовый барьер», не говоря уже о племенных перегородках, послушать разговоры коренных жителей о повышении заработной платы и снижении налогов, о необходимости организованной борьбы и объединения всех рабочих в единый фронт. Он этого не сделал. Поэтому для него «третий период» наступает неожиданно, вдруг, без всякой причины. Ведь никто, конечно, не поверит автору, что появление «нового курса» по отношению к индейцам США обязано будто бы тому, что «американское сердце» изменилось (стр. 42). Первым, кто дал «идею», а заодно и деньги, был, по словам автора, Джон Рокфеллер. Этот факт говорит о многом. Свои «идеи» американские миллиардеры вынашивают не в сердце, а в кармане. И если бы автор, вместо того, чтобы впадать в лживую сентиментальность, подошел честно к этому вопросу, он увидел бы, что «новый курс» в индейской политике — это лишь попытка сохранить старую систему резерваций в тех условиях, когда индейцы оставляли резервации и быстро увеличивали бремя правительства» (стр. 24).

³ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Предисловие к первому изданию, Соч., т. 3, стр. 5.

Автор ошибочно отвел начало «третьего периода» на 1930-е годы и поэтому не заметил, что впервые «новый курс» в индейской политике был применен не в США, а в Канаде, и не в 1930-х, а в 1880-х годах. В Канаде к этому времени были истреблены буйволы, и большинство индейцев оказалось без средств к жизни. Голод стал постоянным явлением в индейских резервациях. Индейцы начали покидать резервации. Восстание 1885 г. показало канадскому правительству, что индейцы начинают переходить к организованной борьбе. Вот тогда-то, в этих новых условиях, канадское правительство и решило ввести «новый курс», с тем, чтобы удержать индейцев в резервациях. «Сначала он (канадский закон об индейцах.— Н. Б.) признал существующие племенные институты; затем ввел принцип избранных представителей; затем стал рассматривать индейские группы как самоуправляющиеся муниципальные объединения» (стр. 84). Это и есть «новый курс». Для того чтобы заманить многих ушедших из резерваций индейцев обратно в резервации, канадское правительство выдало некоторые денежные суммы. Но зато одновременно оно сняло с себя всякую ответственность за тех индейцев, которые жили вне резерваций, и сэкономило на этом деле гораздо больше, чем потратило. Бизнес есть бизнес! К 1930-м годам, однако, большое количество индейцев — наемных рабочих и их семей — вновь жило вне резерваций. Разразился экономический кризис. Около трети общего числа индейцев оказались получающими пособие по безработице. Тогда канадское правительство вновь вернулось к «новому курсу», «создало» еще несколько резерваций с целью «восстановления тех индейцев, которые еще получали помощь» (стр. 87). К 1938 г. не было уже ни одного индейца, который получал бы пособие по безработице.

В настоящее время опять выясняется, что «резервации в ряде районов уже сейчас оказываются недостаточными» (стр. 92). Индейцы уходят из резерваций, готовы наняться на любую работу, лишь бы не умереть с голоду. Небольшая экономическая заминка в капиталистическом цикле — и среди получающих пособие по безработице окажутся десятки тысяч индейцев (ибо их увольняют в первую очередь). Тогда вновь возникнет потребность в «новом курсе», чтобы загнать это «избыточное» население обратно в резервации. Может быть, придется даже отвести для резерваций новые районы. А пока что в Канаде существует, по словам автора, «модифицированная и временная сегрегация» индейцев от остального населения (стр. 96—97).

В США «новый курс» начался с того, что Джон Рокфеллер дал «идею» исследовать положение индейцев. В 1928 г. были опубликованы результаты исследования под названием «Проблема индейской администрации». В этом «труде» были заложены, как там говорилось, «основы новой эры в индейской администрации». Начали «продавать индейцам небольшие куски земли» (стр. 43). Кольтер, «комиссионер индейских дел», поставил задачу «восстановить племенное управление, организацию и самоуважение (т. е. племенное сознание.— Н. Б.), разрешить свободу религии, восстановить туземные языки, философию, поэзию, музыку, искусства и ремесла» (стр. 44).

В июне 1934 г. вступил в действие закон индейской реорганизации (закон Уилера-Говарда). Индейцам разрешили создать свои племенные конституции, произвести выборы. В школах стали учить мальчиков ремеслам, девочек — «домашней жизни» в нищенских индейских лачугах (стр. 49). Раньше индейские церемонии были запрещены, теперь стали наставлять на их выполнении. Попы и колдуны стали «работать» сообща (стр. 51). С внешней стороны все обстояло благополучно: индейские племена имели свои конституции, заключали договоры с правительством США. А на деле — по отношению к ним проводится реакционнейшая политика изоляции, «равового барьера». Индеец теперь фактически не является гражданином США. Как раньше, так и теперь он работает на фабриках и заводах, но платят ему теперь гораздо меньше. А если учесть еще понижающее влияние заработной платы индейских рабочих на заработную плату американских рабочих, если учесть политическую сторону дела, то классовая, реакционная суть политики «нового курса» станет очевидной.

Что касается маори Новой Зеландии, то их «возрождение», пишет автор, шло тем же путем, как и «возрождение» индейцев юго-запада США (стр. 188). До 1930-х годов «прогресс в течение многих лет был медленным, как и в других странах» (стр. 180). «Предшествующие десятилетия были потеряны в попытке сделать плохих европейцев из хороших маори» (стр. 183). В варварской терминологии колонизаторов, употребляемой автором, «плохие европейцы» — это рабочие и крестьяне из среды коренного населения, вставшие на борьбу за свои национальные и просто человеческие права. Что же оставалось правительству делать? Оставалось, пишет автор, «последовать просвещенному (!) примеру Соединенных Штатов и в какой-то мере искунить свою вину за прошлые грабежи путем продажи маорийских земель потомкам их прежних владетелей» (стр. 182). Ограбить и убить, а потом продать часть награбленного потомкам ограбленных и убитых — это автор называет «просвещенной» политикой! Такова логика «англоязычных» колонизаторов.

Правительство отпустило в кредит некоторые денежные суммы. Маори прикупили немного земли. Началось «частичное возвращение к туземной культуре и организации» (стр. 181). Была создана школа в Роторуа, где стали учить маорийских детей резбе по дереву в прежнем стиле, пляске «хака» и т. д. Одновременно был закрыт колледж Те Ауте, в стенах которого возникла младомаорийская партия. Запрещены съезды этой партии.

«Маори,— пишет автор, повторяя слова Сатерленда,— должны держаться своей маоританга (племенной культуры.— Н. Б.),— даже если это связано с опасностью роста цветного чувства» (стр. 187). Нет нужды говорить об истинном смысле «нового курса» в Новой Зеландии. Он направлен именно (а не «даже если») на то, чтобы «создать расовый барьер» («цветное чувство»), изолировать маори от остальных трудящихся Новой Зеландии.

«Австралия,— пишет автор,— дает особенно яркий рисунок британской политики» (стр. 99). Это верно. И «новый курс» выступает в Австралии в особенно яркой форме. Здесь также стараются оживить племенные институты, в резервации аранда, например, обучают детей на племенном языке племенным мифам и обрядам. Здесь также «создают» новые резервации, но аборигенов сюда, признает автор, не заманивают, а просто загоняют насильно. Так, в Новом Южном Уэльсе имеется 21 «станция», в ней живет около трех тысяч аборигенов под надзором специальных лиц. «Имеется также,— пишет автор,— ряд резерваций под контролем ближайшей полиции» (стр. 125). Что касается квинслендских резерваций, то, по словам автора, это система «концентрационных лагерей» (стр. 140). Существует закон, по которому «любое лицо с туземной кровью, нарушившее контракт, должно быть с семьей сослано в резервацию и оставлено там временно или навсегда» (там же). Часты случаи бегства аборигенов через границу из Квинсленда в Новый Южный Уэльс, где их также не ожидает ничего хорошего. Но лучше бежать в Новый Южный Уэльс, чем быть сосланным на остров Палм — «остров смерти», откуда, по словам автора, никто не возвращался.

На Северной территории в 1930-х годах создан ряд резерваций. Автор считает, исходя из этого факта, что в Австралии все обстоит, «как и в других странах», что Австралия перешла к «новому курсу» (стр. 142). Известный этнограф Дональд Томсон в газете «News» в 1946 г. писал, что «новый курс» в Австралии — это сплошное лицемерие и что результат его — нуль (стр. 142). К этому нужно добавить, что «новый курс» всюду сплошное лицемерие, только в Австралии он выступает в наиболее неприкрытой форме. Здесь просто загоняют аборигенов в пустыни и ставят полицейскую охрану. Такова политика «расового барьера» в ее логически завершенном виде. Неудачу этой политики в Австралии автор объясняет плохой работой полиции. «Резервации,— пишет он,— часто недостаточно хорошо охраняются полицией, чтобы держать или туземцев в них или белых вне их» (стр. 144). Суть «нового курса» — изоляция аборигенов от остальной массы населения — выявляется из этих слов с полной отчетливостью. Изоляция, разумеется, односторонняя, ибо аборигены, как и прежде, работают на скотоводческих фермах. Администратор Центральной Австралии в рапорте 1944—1945 гг. заявил, что «туземцы остаются основой скотоводства тропической Австралии» (стр. 147). Таким образом, аборигены находятся попрежнему в полном распоряжении скотоводческих компаний. Но они полностью изолированы от рабочей массы остального населения. Им запрещается ходить в город, за исключением определенных дней (раз в неделю, когда им разрешается побывать в кино). Им запрещают, под угрозой тюремного заключения, покидать место работы без разрешения «протектора» (в каждом штате есть должность «главного протектора аборигенов»). «Этим ограничением личной свободы,— писал английский журнал «World news and views» в 1946 г.,— которое противоречит английскому акту об отмене рабства, беспощадно пользуются богатые землевладельцы». Коренных жителей изолируют от рабочих европейского происхождения и прогрессивно настроенной интеллигенции. Правительство штата Квинсленд запретило Дональду Томсону, выступавшему в защиту аборигенов, посещать резервации. Ст. 47 «акта об управлении туземцами» Западной Австралии гласит: «Лицо, соблазняющее или заставляющее туземца бросить какое-либо занятие без ведома протектора, будет виновно в преступлении».

Подводя итоги всему исследованию, автор останавливается перед «парадоксом»: с одной стороны, коренному населению всех этих стран навязывают участие в «европейском» производстве (т. е. в капиталистической экономике), прививают «европейские» индустриальные методы, с другой,— навязывают возвращение к старой племенной культуре, племенным верованиям и обрядам. Автор видит в этом нечто «парадоксальное» (стр. 201). А между тем в этом именно и состоит суть «третьего периода», политики «расового барьера», политики резерваций, политики «нового курса». От коренных жителей требуют участия в капиталистическом производстве в качестве наемных рабочих, а материальные, социальные и духовные потребности их искусственно снижают до уровня потребностей людей каменного века.

Теперь мы можем в полной мере оценить заявление автора о том, что англо-американские империалисты «поощряют» будто бы «демократические свободы». Хороша «демократия»! К Прайсу с полным правом могут быть отнесены слова, сказанные А. Я. Вышинским на шестой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в адрес представителей США: «Постыдились бы вы, по крайней мере, выдавать себя за образец действительной свободы и действительной демократии»⁴.

Н. А. Бутин

⁴ «Правда» от 21 декабря 1951 г.